

ГАСТРОЛИ В СТОЛИЦЕ

В МИРЕ ВЫСОКИХ ЧУВСТВ

МОСКВИЧЕ хорошо знают Гruzинский театр имени К. А. Марджанишвили. На первый раз приезжает он на гастроли в столицу и неизменно радуется яркой и щедрой силой своего искусства, верностью традициям замечательного художника, чье имя носит театр. Эти качества и слабые традиции находят свое живое развитие в сегодняшней практичной коллегии, возглавляемой Д. Аляксидзе.

Уже сама гастрольная афиша говорит о серьезности поисков, о широте дилемации, о стремлении театра к жанровому и стилистическому разнообразию. Здесь русские классики («Жанитьба» М. Гоголя), современные советские пьесы («Память сердца» А. Корнейчука), западная классика («Дон Карлос» Ф. Шиллера), трагедия К. Гюцкова «Урсула Анюста» (возможные постановки К. Марджанишвили) и, наконец, старинные грузинские водевили... От трагедии до водевиля — такое многообразие возможностей театра.

Гастроли в ответственный год — год 50-летия образования СССР театр не случайно открыл спектаклем «Память сердца». Пьеса украинского драматурга на грузинской сцене приобрела местные интернациональные звучания.

«Память сердца» — произведение, открывающееся особым ключиком. И если не подобрать его, зритель особый ключик, то можно разыграть на сцене несложную и несколько сентиментальную историю о том, как после многих лет разлуки встретились двое из разных стран — некогда любившие друг друга люди. Встретились и снова разошлись. А вот если найти этот магический ключик, то открывается второй план пьесы, зазвучит тема сильнейшей сердечной силы, и не одна, а несколько тем в из сложном симфоническом переплетении. Этот второй план — современную суть пьесы — четко определяют и всеми эмоциональными в распоряжении театра средствами выразили в спектакле постановщик Д. Аляксидзе и актеры театра имени К. А. Марджанишвили. Память сердца, говорит театр, — это память о совместном паритете в тяжелые для войны, память об истинной любви, о преданности друга, об участии ближнего. Это то, что остается навсегда с человеком.

Да, жизнь сердца — важная реальность. Об этом говорит театр. Потому так акцентированы, так высвечены в спектакле те моменты, когда властно звучит голос сердца.

Прекрасно выражение глаз в улыбке щеки маришвили и строгой Гавины Романовны — Верико Анджиладзе. Ее сердца тоже хранит свои тайны, она живет в тихом мире своих воспоминаний. И свет ее глаз осязателен, как осязателно тепло, с которым она слушает старого артиста, соседа по квартире Кирилла Сергеевича, рассказывающего ей о сво-

ем друге, делегиром «Пете», партнера по номеру, который живет далеко, где-то там на Севере...

Кирилл Сергеевич в исполнении Васо Годзишвили — совсем незащищенность и человеческая доброта. Маневр, старомоден, немощно неважно и — прекрасен! Прекрасен своей чистой преданностью дружбе прошлых лет. Вот идет он весь во власти воспоминаний на воображаемому канату, жонглируя несуществующими предметами. Поет дребезжащим голосом старые куплеты, посылая воздушные поцелуи воображаемому зрителю. Он бесконечно трогателен, этот старый ребенок, всегда готовый слушать ближнего.

Память сердца — память о лучшем в человеке. Поэтому так высвечивается театром момент, когда Катерина — М. Тбилили и Антонио Террачини — К. Мехардзе, сохранившие верность и любовь друг и другу, слушают раненого у памятника погибшим воинам. Поэтому так возвышенно звучит и эпизодическая сценка, когда одна из двух женщин (З. Залдашвили и Т. Тетрадзе), дежурившая возле обелиска, вспоминает погибшего на войне сержанта — юношу, что и теперь ей по ночам снится. Слезам звенит ее голос. В этот миг он жме для нее, она немощнае ее любовь.

Так уже устроена жизнь, что даже утраты, превратившись в драгоценное воспоминание, не отравляют, а питают сердца.

Уезжая в Индию сын, возвратился в Италию Антонио. Стоит у окна одна печальная Катерина — М. Тбилили. А за окном звенит голос. Поют пионеры, отрывающиеся в поход по местам воинской славы. И светает лицо женщины, крепкой, сильной, верной женщины. И вершью ее словам — все будет хорошо!

Любовь и сильною и чистую человеческому чувству, озерному высокой мысли, проявляется и в постановке «Дона Карлоса». Не случайно жанр ее определен театром как драматическая поэма. Театр избежал опасности сыграть Шиллера так, как сам автор это допускает, — немощно в рушора, приподнимая людей и события на некие невидимые шпурлы. Он постарался проникнуть поглубже в души людей — сделать зримыми человеческие переживания, объяснить их суть.

На депотем с головы до ног, одержимым одной черной страстью — властолюбием, а человеком умным, сильным и одиноким, человеком мтежной души предстает в исполнении Васо Годзишвили Филипп II. И рядом с ним Дон Карлос — И. Ученейшвили и маркиза де Позе — К. Мехардзе. Елизавета — М. Библийшвили, принцесса Эболи — Е. Кипшидзе — сложные, интересно решенные образы, говорящие о том, что марджановым чужды сарость, власть, чувство. Здесь слово звучит темпераментно, оно рождено

мыслью, насыщено сильным чувством.

Чувство поэзии, стремление утвердить подлинный театр, театр высокой эмоциональной тональности, связность и в такой спонтанке, как «Старые водевили», поставленном Васо Годзишвили.

Водевили, как известно, играть трудно. Это жанр не такой простой, как кажется порою зрителю, когда он от души смеется над комичными персонажем, незатейливой ситуацией, когда он с головой погружен в стилизу театральную игры. Яркость театральности зрелища, непосредственность, динамичность действия — за всем этим стоит большое мастерство, блестящее владение жанром. Три старинные водевиля — «Озорница», «Раздор» и «В старом суде» — разыграны легко, живо, воздушно.

Молодая жена ветреного князя (Е. Кипшидзе), задумав хитростью вернуть мужа и семейному очагу, атакует в свои авантюры глупого и незадачливого принца (Васо Годзишвили), который и сам не прочь приударить за молодой прелестницей.

Старые супруги Георгий (Д. Кутеладзе) и Майко (Е. Верулашвили), которым осталось всего несколько месяцев до золотой свадьбы, вдруг заподозрили друг друга в измене. В эту неразбериху случайных ситуаций и недоразумений втянуты и слуги. Все страдают, равную, спорится, пона, наконец, выясня правду, не экружятся вместе в старинном танце.

В старом суде как доиспытать правды, когда дело грузинских крестьян Кекелы (М. Тбилили) и Сосни (А. Верулашвили) разбирает русский судья (Г. Татшванли) через армянского посредника — дутанца Аршана (Васо Годзишвили).

Водевил — это подлинный театр, в котором комедийный темперамент проявляется щедро, буквально у каждого исполнителя.

Спектакль идет в режиссуре В. Годзишвили, который играет в водевилях три роли. Третья роль старого Автера — лицо от автора — написана им самим. Автер, иронично и завершая это представление, разговаривает с публикой, признается ей в своей любви и верности театру — этой святой обители. Голос актера — режисера театра, влюбленного в пыль кулис, в цветную мишуру балаган, в этот мир неумирующего театральные чудеса, — придает представлению дополнительную объемность и глубину.

Итак, современные советские пьесы, классическая драма и водевиля еще раз убеждают в том, что театр имени К. А. Марджанишвили — театр высокой театральности культуры. Театр, где есть умная режиссура, блестящие мастера старинного поюления и талантливая молодежь.

Ирина ПАТРИКЕВА.